

БАТЯ

Лабиринт из серых валунов закручивался улиткой по зелёному склону, словно нить бус, потерянных великаншей. Вдоль этой нити, глядя под ноги, шла девушка с распущенными тёмными волосами. Иногда она начинала приплясывать и поводить руками из стороны в сторону. Светлое платье плескалось на порывистом ветру.

«Наверное, местная дурочка», – подумал Егор.

Выше по склону виднелись кряжистые деревянные избы. Егор достал блокнот, медленно записал: «Большинство домов в деревне Яцево можно отнести к типу «брус». И тяжело вздохнул. Из этой поездки молодой преподаватель института намеревался привезти статью о северной деревне для этнографического журнала. Но тут и зацепиться было не за что – местные жители, постоянно занятые, не увлекались беседами с горожанином. Его замечали только собаки, лающие из-под ворот.

Егор обернулся к морю. Что за унылое свинцово-синее пространство в вечной рвани волн. Нет, его предки точно не рождались викингами, не ходили разбойничать под парусами. Но что там разбросано на прибрежной гальке? Егор всмотрелся: кости? Приблизился – точно, да ещё и череп. Человеческий! А подальше – ещё один...

Из-за гороподобной сахарной тучи выглянуло солнце. Скуки как не бывало: откуда здесь останки?

– Эй! Постойте! Там нельзя гулять! – раздался за спиной звонкий голос.

Егор обернулся. Девушка стояла на камне в центре лабиринта, махала рукой. Егор взбежал по склону и с любопытством оглядел стройную фигуру незнакомки. Разумянившееся лицо, большие зеленовато-серые глаза, пухлые губы. Молочная кожа усыпана веснушками. Они виднелись не только на носу и щеках, но даже на груди, в круглом вырезе платья, даже на белых руках девушки. Егор заметил, что на камне собеседница стоит босиком, оставив в траве обувь – не изящные туфельки, больше подходящие к её романтическому образу, а неуклюжие калоши, в которых убирают двор деревенские хозяйки.

– Что за черепа на берегу? – поинтересовался Егор.

– Утопленников выбросило полсотни лет назад. Грех там топтаться.

– Почему не похоронили?

Девушка пожалала плечами:

– Старики решили земле не предавать.

Потом, будто вспомнив, зачем находится в лабиринте, она протянула руки к морю и что-то быстро прошептала. Егор, улыбаясь, смотрел на её розовые губы, невинные и чувственные.

– Колдуешь? – спросил иронически.
– Чтобы рыба лучше ловилась.
– Действительно? И что за слова в заговоре? – полюбопытствовал он.
– Хозяин придонный, гони свои стада в наши сети!

– Незамысловато...

Девушка спрыгнула с камня, он заметил, как упруго дрогнула под платьем грудь, и подумал, что в деревне всё же есть что-то интересное. Простая, чистая дикарка, обожествляющая природу. Наверное, так выглядели ирландские жрицы. Собеседница спрятала маленькие ступни в неуклюжие калоши.

– Как тебя зовут?

– Варвара, – ответила она с вызовом, и он подумал, что, вероятно, стесняется грубого деревенского имени.

Ему тоже не нравилось своё имя, но он ухмыльнулся и представился:

– Егор.

Ей было семнадцать, и она собиралась поступать в колледж.

Потом она ходила с ним за ягодами на болота, он рыбачил с ней на островах, впрочем, больше времени уделяя возне со своей «ирландочкой». Понадобилось немного внимания, чтобы Варя влюбилась по уши. Вскоре Егор знал всю её немудрёную жизнь. Отец пьяным вышел в море и не вернулся, мать нашла другого мужа, с тёмным прошлым и крутым нравом, уехала с ним в соседнее село, а Варя решила остаться с дедом, потому что отчима боялась. От первых встреч с ней в памяти Егора остались яркие пасторальные картинки, словно кадры наивного фильма о деревне, где всё просто и благополучно. Вот они рассматривают старинную деревянную церковь. Вот спутница протягивает ему горсть ягод, и красный сок – словно кровь на её алебастровых пальцах. Вот показывает гнёзда птиц на прибрежных скалах. Вот вышивает что-то крестиком на льняном полотнце, иглолка ныряет в тугую ткань, как утица в воду.

Казалось, что своей жизнью в провинции Варя вполне довольна. «Хорошая девчонка, – думал он, – не испорчена страстью к деньгам, всё умеет». Общение с ней умиротворяло. Он оказался в другой реальности, где не было интриг, которыми славился институтский коллектив, не было долга за новую квартиру, не было приятеля, который знал о нём лишнее, опасное...

Дед Вари за внучкой не приглядывал, вечно делал что-то во дворе, то сено возил, то навоз убирал, то сараи ремонтировал. Иногда приходили двоюродные братья Вари, чуть постарше неё, конопатые коренастые близнецы, приносили рыбу. Егору кивали, но разговоров с ним не вели.

Однажды Варя сказала, что сегодня, в день солнцестояния, особенный закат, и как будто нарочно привела Егора на отмель, где валялись черепа.

– Нынче можно, – кратко пояснила.

Егор только пожал плечами. Заметил, что мелких костей на камнях не осталось, а крупные изломаны, раскрошены. Вдруг издали раздаётся глухой низкий звук, как будто кто-то в рог затрубил.

– Проглотил солнце! – Варя взмахнула белой рукой в сторону моря. – Видел?

– Что? – Егор всмотрелся в сверкающую мечущуюся воду.

– Не разглядел, не судьба.

– Да чего не разглядел-то? – недоумевал он. – Ты объясни.

Варя казалась огорчённой, но потом махнула рукой, словно смирившись.

65
Через несколько дней она уехала с Егором без позволения деда. Наверное, рада была вырваться из глухомани в город. Егор сказал ей, что теперь она хозяйка в его квартире, но о женитьбе не задумывался. Не то чтобы собирался бросить Варю, а просто считал штамп в паспорте необязательным. Постепенно даже стал радоваться, что не поспешил узаконить отношения. Варя не вписывалась в его жизнь, казалась лишней деталью, вызывала ощущение дисгармонии. Покинув родную северную деревню, девушка потеряла экзотичность ирландской жрицы. Прежде казалась таинственно-влекущей среди зелёных холмов и тёмных изб, на фоне беспокойного моря – статная, с плавными движениями. А в городе смотрелась неуклюжей ширококостной бабой, которой впору продавать на рынке клюкву, а не украшать собой квартиру интеллектуала. Когда у Егора соби­рались гости, Варя предпочитала суе­титься на кухне, появляясь только затем, чтобы принести очередное блюдо. Краснела, слушая похвалы друзей Егора своей выпечке – рыбным и ягодным пирогам. Спешила убраться с глаз долой. И Егор удивлялся тому, какой бойкой девицей казалась подруга в селе.

Потом наступил сентябрь, в институте появились студенты-первокурсники и среди них Ка-

тя. Коротко стриженная вертлявая стервочка, запросто предложившая ему себя в пустой аудитории. Мгновенно стянула майку, оголив острые груди. Спустила узкие брюки, демонстрируя безволосый лобок с чёрно-красной татуировкой. И сразу отдалась так, как не соглашалась Варя.

Начали встречаться, и Егор уже не понимал, почему он должен развлекаться с Катей в гостинице или на даче коллеги, если в собственной квартире ждала широкая кровать? Тут-то Варя и призналась, что беременна, да ещё и на большом сроке. Он даже заподозрил некое коварство – сообщила новость, когда аборт делать поздно. Но потом решил, что если бы обращал на неё больше внимания, всё прояснилось раньше. Дальше началось ужасное. Варя, поняв, что Егор не намерен бежать с ней под венец, стала болезненно ревливой, она буквально выслеживала его возле института и плелась следом, словно живой укор совести. Катя заметила соперницу и стала высмеивать, что радости Егору не прибавляло.

– Оставь меня в покое, кошёлка! – кричал он на Варю вечерами. – Да, мы распишемся! Ты мне выбора не оставила, я теперь как собака на цепи...

Он надеялся, что Варвара хотя бы из самолюбия соберёт свои шмотки и хлопнет дверью. Но та только забивалась в уголок и тихо плакала. А потом он пришёл с корпоратива пьяным, и когда Варя спросила, почему так поздно, просто ударил её. Падая, Варя ударилась о тумбочку. Скорчилась от боли. Егор смутно помнил, как вызвал скорую. Наутро позвонил в больницу и узнал, что у неё был выкидыш, не останавливается кровотечение, умирает. Он ощутил ужас: посадят. Если рассказала кому-то, что в произошедшем виноват он... Помчался в больницу, представляя, как где-то в полиции уже заводят дело и летит к чертям всё – начиная с любимой работы.

Он стремительно миновал пропахшие лекарствами коридоры, хмурый врач «только на минуточку» пустил в палату, где под синим одеялом лежала бледная Варя. Тусклые пряди волос, воспалённые веки, серые губы. Где та свежая крестьяночка, несколько месяцев назад привезённая им в город?

– Когда помру, отвези меня домой, – прошептала она, глядя умоляюще.

Он поморщился, вечно что-то деревенское слышалось в её говоре. Почему бы не сказать:

«Когда умру». Так нет же – «помру». А куда ещё везти её? Но ответил насколько мог ласково.

– О чём ты, девочка? Рано нам о смерти думать. А ребёнок... Что ребёнок? Дело наживное, мы же молодые совсем, и сын будет, и дочь... – убеждал, думая, что не дай бог выкарабкается дурища, не отвяжешься. Но правильные слова продолжали звучать: – Прости меня, Варя. Сама довела, я погорячился. Не стоило, конечно, так. Хочешь, я на колени встану? Чувствую себя последней сволочью.

Егор холодел, вспоминая о том, что уехала она в больницу с мобильным телефоном в кармане плаща.

– Ты не казни себя. Батя рассудит. Он всё поймёт, – слабо улыбнулась Варя.

Это она о Боге так? И ведь придётся тащить-ся с гробом в деревню.

Так и получилось. Несколько часов в автобусе наедине с жутким ящиком. Гроб отвезли прямо в деревенскую церковь, а ему пришлось заночевать у Вариного деда, который, к удивлению Егора, скорби не проявлял, всё так же занимаясь по хозяйству. Утром дед ушёл куда-то с двоюродными братьями Вари. Вот те косились на Егора с откровенной злобой.

66

Оставшись один, нежеланный гость побродил по двору. Там было чисто и пусто. Егор вспомнил, что раньше и куры в пыли копошились, и овцы блеяли в хлеву, но, видимо, без Вари старик всё хозяйство перевёл.

В доме Егор подсел к столу, за которым любила вышивать Варя. Тут стояла шкатулка с нитками, цветным бисером, бусинками. Под ней лежало свёрнутое полотенце, он расправил его и с удивлением всматривался в узор алыми и чёрными крестиками, складывающийся в странное изображение, до которого сама Варя вряд ли додумалась бы. Наверное, взяла за образец старинную вышивку. Он хотел сунуть полотенце в карман, чтобы потом проиллюстрировать очередную статью о народном творчестве, но стало неловко красть у старика память о покойной внучке. Вернул рукоделие на место. На полке лежал семейный альбом, и Егор открыл его. Подруга почему-то никогда не показывала ему этих фотографий, потускневших от времени. На одной из них, с датой: «1940-й год», заметил уroda – плоский нос, слишком широко расставленные глаза, большой тонкогубый рот. Существо, ссутулившись, сидело у ног прочей Вариной родни – мужиков и баб с постными строгими лицами. В отличие

от них уродец занимался делом – его неестественно маленькие ручонки распутывали сеть. Егор захлопнул альбом, чихнув от пыли. За открытым окном местные дети – все светловолосые, рыжие – играли. Среди лужайки сидел мальчишка, вокруг него кружилась хороводом прочая ребятня, потом он с рычанием бросался на друзей, и те с визгом разбегались.

Старик, оказывается, уже вернулся, сидел на пороге и подшивал валенок, прилаживал к нему подошву, вырезанную из резины, толстой цыганской иглой протаскивал дратву в дырочки, проколотые шилом.

– Видишь, как ноги застудил, болят. Теперь и летом валенки ношу, – пояснил он, не глядя на Егора.

– Наверное, на рыбалке простудились? – вежливо поинтересовался Егор.

– Да. Такая уж наша доля. Испокон веку рыбной ловлей живём.

– Вашему селу много лет?

– Бог знает. Говорят, старше Архангельска. Остался сказ о том, кто мы есть. Слушай. Пришла откуда-то молодая жёнка. То ли родичи её выгнали, то ли перемерли. Построила землянку, стала жить. Рыбу ловить. Как-то сидела она на камне у моря. И поднялся из воды хозяин придонный.

Старик посмотрел поверх очков на Егора.

– Ну и? – спросил Егор.

– Согрешил он с ней... – лаконично сообщил старик.

Егор криво улыбнулся:

– Понятно. Местное предание.

– Родила она потом девочку и мальчишку. Придонный хозяин ей рыбу приносил. Поймает и тащит – огромную, в зубищах. Она спервоначала боялась, а потом обвыкла...

– Как это – в зубищах? Это что, не человек был? – изумился Егор.

– Я пойду, – внезапно объявил старик. – Пора поесть, что Бог послал. Ешь, пока живот свеж.

Он обул подшитый валенок, положил в карман шило и иглу, обмотав их дратвой, и побрёл в избу. Егор сел на его место и тупо смотрел на серые громоздкие избы, в окнах которых алела герань. Потом вернулся старик в чёрном костюме и неизменных валенках. Поманил его рукой:

– Пойдём.

Варя лежала в церкви, и он даже побрезговал поцеловать её на прощание, когда деревенские молча расступились. «Что за ужасное лицо,

ещё и опухло. И почему она лежит с распущенными волосами, словно утопленница, только что вынутая из воды?» Он никогда не бывал на похоронах, но сегодня избежать не мог. О Варя почти не плакали, порой всхлипывала какая-нибудь женщина и тут же утирала слёзы, что-то шептала соседке. Одна из них читала молитвы, стоя в головах у Вари.

– Послушайте, а священник где? – поинтересовался Егор, выйдя на церковный порог.

– Старый в Архангельск уехал, а нового не назначили. Не приживаются они у нас. Батю не любят, – охотно пояснили профессору, с любопытством разглядывая его. Он стоял против земляков Вари – коренастых, загорелых, в полинявших, словно пропыленных, пиджаках и брюках, в допотопных кепках неопределённого цвета. Среди них заметил двоюродных братьев покойницы – пара веснушчатых крепышей лет двадцати бросала на него неприветливые взгляды. И снова какой-то Батя... может быть, глава местной общины?

Варвару без гроба вынесли из церкви на открытых носилках. Её дед зачем-то попросил Егора подождать, и тот смотрел вслед процессии, раздражённый сковывающей глупостью местных обычаев. Заметил детей, которые сейчас не играли, а собрались в кучку возле церкви.

Мальчик лет шести просеменил поближе к Егору и, подняв круглую мордочку с зеленоватосерыми глазами, серьёзно спросил:

– Дядя, тебе страшно?

Егор с досадой рассматривал навязчивого дётёныша, думая, что такого веснушчатого, видимо, родила бы ему ирландочка. Неожиданно пожалел о своей жестокости. Но, в конце концов, как говорила Варя, что Бог ни делает, всё к лучшему. Каково ей было бы вернуться обратно в село беременной, словно в пошлом сериале? Конечно, Егор помогал бы материально, но связывать себя по рукам и ногам браком с нелюбимой, чуждой ему ментально женщиной, было неблагоприятно. Их отношения исчерпаны, словно колодец, где воды не осталось, только сухое дно.

Тем временем похоронная процессия удалилась в сторону моря, и почти сразу же люди стали возвращаться, весело переговариваясь, словно горе оставили там, где сейчас лежит покойница.

– А теперь пойдём! – сказал Варин дед.

Егор покорно побрёл за ним, навстречу сельчанам, те сторонились, одна женщина перекре-

стила Егора и как будто хотела что-то сказать, но спутница схватила её за руку, и обе ускорили шаг. Егор хотел поинтересоваться, где Варя, но решил, что вопрос прозвучит нелепо – разумеется, она на кладбище, и, наверное, они идут закапывать могилу. Недаром к ним присоединились двоюродные братья Варвары.

«Что за унылая дрянь вокруг, – думал он. – Даже ночевать не останусь, сегодня же уеду из этой дыры».

Дорога обогнула каменный выступ, и открылся берег – справа сбегающая вниз лужайка с лабиринтом валунов, потом полоса гальки и лежащая прямо на ней Варя, прикрытая белым покрывалом. Её коричневые волосы рассыпались по камням, лицо было желтоватым, закрытые глаза глубоко запали. Виднелись босые ступни.

– Что же она без туфелек? – тусклым голосом поинтересовался Егор, хотя следовало спросить, какого чёрта несчастная валяется на берегу, без гроба?

Но непонятное почему-то не пробуждало интереса, а смиряло и туманило сознание. Старик указал на столб, врытый неподалёку от изголовья, и потянул к нему Егора, тот послушно двинулся следом. Вдруг Варины братья молча схватили его и, прижав к столбу, стали привязывать. Егор рванулся, пытаясь освободиться, но трое мужчин быстро скрутили профессора, он и опомниться не успел, как оказался опутанным верёвками.

– Это как понимать?! Это что значит?! – растерянно и зло поинтересовался Егор.

Старик прокашлялся:

– Ты не рвись, так верёвки ещё туже затягиваются. Всё одно, никуда не денешься. Постоишь тут ночь, а утром придём за тобой. Может, всё будет ладно. Он милостив. Варя просила рассудить.

– Так и заявите в суд, к чему меня оставлять здесь? – истерически крикнул он. – Она всё-таки позвонила вам, да? Бате?

– Я тебе не судья. А батя её утоп давно.

Старик подошёл к Егору и застегнул молнию на его куртке, подумал и нахлобучил на голову капюшон. Поклонился Варю, перекрестился и споро зашагал к деревне, парни топали рядом. Егор смотрел вслед им, пока не исчезли из виду. На живот Вари грузно села чайка. Егор стоял, переминаясь с ноги на ногу. «Ночь продержаться... наверняка схватишь грипп, а то и воспаленные лёгких, вон ветер какой». Он стал дёргать

руками, надеясь перетереть верёвку о дерево, немного согрелся.

В кармане внезапно зазвонил мобильник. Первые ноты популярной песни диссонировали с первобытной обстановкой. Наверное, напоминает о себе Катя. Вспомнилась последняя встреча – спальня, загорелая девичья спина, упругие ягодицы. Стоны, смех. Потом она лежит рядом, и он любит нежным профилем... А потом отвратительно-рябое лицо Вари, которая упрекает его, напоминает о ребёнке. Но он уже не хочет ребёнка от этой уродины, их связь – ошибка. Удивительно, как быстро начинает вызывать отторжение то, что раньше привлекало. И милые веснушки кажутся грубыми пятнами, делающими кожу нечистой. Словно пелена падает с глаз, бросаются в глаза недостатки человека – раньше они не имели значения для тебя, но теперь невыносимы.

Ветер подул сильнее, и простыня сползла с покойницы. Оказалось, Варя не только босая, на ней не было ни клочка одежды, кроме нитки жемчуга.

Вдруг со стороны моря послышался глухой утробный звук. Егор посмотрел влево и похолодел – из воды поднималось тёмной грудой неведомое существо, двигалось к берегу, вырастая всё выше. Егор разглядел массивную голову с широкой пастью, набитой частыми длинными зубами. Передние лапы, молитвенно прижатые к широкой чешуйчатой груди, казались отвратительно слабыми, как ручки карлика. Монстр брёл на задних лапах, мощных, жилистых. Высотой он был около трёх метров. Шкура облеплена водорослями, ракушками, из загравка торчал трухлявый обломок то ли остроги, то ли копья. Егор хотел позвать на помощь, но боялся привлечь внимание. Зверь приблизился к голой, беззащитной Варю. Наклонился. Присматриваясь? Принюхиваясь? Егору вдруг вспомнился рассказ старика о том, как придонный хозяин овладел одинокой рыбачкой. Но хищник деловито ухватил зубами Варю возле предплечья, раздался хруст. Ящер вскинул голову, проглатывая белую руку. Егор зажмурился. Послышалось чавканье, треск костей.

«Батя... – обморочно думалось. – Так вот кого здешние считают своим предком. А морской берег – вместо кладбища. Покойников просто оставляют живому тотему, а тот их жрёт ничтоже сумняшеся. К утру ветер утащит простыню в воду. Нитка бус истлеет, оставив россыпь жемчу-

жин среди гальки. Остатки мяса склюют птицы...»

Проклятый мобильник в кармане снова разразился залиистой трелью. Вдруг настала тишина. Егор открыл глаза. Ящер смотрел на него, вывернув корявую шею, полусогнувшись над кучкой окровавленных костей. Повернулся и сделал несколько дёрганных шагов, словно сомневаясь. Егор истошно закричал, надеясь, что услышат в деревне, но там, над невидимым в сумерках лабиринтом, не было ни огонька, даже собаки молчали. Массивные бревенчатые избы горбились в тумане, как стадо дремлющих динозавров.

Теперь ящер стоял перед ним, хрипло дыша сквозь частокол зубов. Смерд старой гнили и крови смешался в тошнотворное амбре. Егор продолжал ожесточённо перетирать о столб верёвку, стянувшую руки. Ящер наклонил морду. Только сейчас среди буро-зелёных выростов Егор заметил его глаза – золотистые, с вертикальным зрачком. Холодно-внимательные, словно у птицы, заметившей жука. Егору вдруг почудилось – из какой это былины – «и будто в сон заснул он», в любой миг может проснуться, а раз так, чего бояться?

– Я её не нарочно убил, – произнёс он. – Я и не думал убивать, толкнул сгоряча. Она сказала: «Батя рассудит». Это ты? Постой... Я вспомнил о Садко: «Не пошлины придонный царь требует – а требует он голову человеческую», студентам цитировал несколько дней назад...

Пращур-ящер высился перед профессором в застывшей позе, словно превратился в пластмассовый экспонат палеонтологического музея.

«Он слушает, – подумал Егор, – пока я говорю, возможно, не тронет».

И бедный профессор объяснял, втолковывал придонному хозяину, как до жизни такой докатился. Когда кончились осмысленные предложения, стал городить чепуху, вздор, припевать, смеяться. Но нужно было говорить ещё и ещё. Тут, кстати, вспомнились мерзости, которые скрывал даже от близких, Егор поведал безмолвному существу и эти стыдные, скользкие тайны, мутные липкие мечты, спрятанные в недрах его компьютера видеофайлами, где извиваются голые детские тела. В Кате было что-то такое, незрелое, словно у тех острогрудых двенадцатилетних... Он выговаривал, выворачивал наизнанку свою душу. Потрошил, как рыбу, вытягивая и выдёргивая бесконечные перламутровые внутренности. Батя слушал.

...Празднично-розовым утром из деревни на пустынный берег прибрёл Варин дед с ножом. Перепилил на запястьях Егора верёвку, и тот упал ничком, не в силах удержаться на онемевших ногах. Старик постоял над ним, дымя самокруткой. Потом помог подняться, повёл к деревне, приговаривая:

– Вот видишь, парень, всё хорошо. Батя милостив. Глядишь, и рыбки косяк пригонит, ребята далеко не плавать.

Егор смотрел равнодушно и ничего не отвечал. Поселили его во времянке, научили чинить сети. По вечерам бывшего профессора видят на берегу, он собирает в карманы засаленного ватника разноцветные камешки. Теперь Егор ни о чём не тревожится, никому не мстит, ничего не стыдится. В его душе царит тихая, бессмысленная радость.

МЁРТВЫЙ, ДОБРЫЙ

– Вставай, а то Царствие небесное проспишь! – Кто-то трясёт Мишку за плечо.

Он открывает глаза. В большой комнате темно. Только слышится надсадный бабкин храп за ситцевой занавеской.

Над Мишкой кто-то стоит. Мальчик всматривается и истошно кричит. Дождавшись, когда его вопль стихнет, дед строго, но добродушно спрашивает:

– Чего орёшь, окашка? Режут тебя?

Мишка снова визжит, но тут голос садится, переходит в хрип.

Деда вчера похоронили. Тогда почему он снова здесь, да ещё и разговаривает? Этак мирно:

– Вставай, внучек. Я ведь из-за тебя ни свет ни заря поднялся. Через сорок дней будет немочь, а сейчас в самый раз.

Мишка чувствует, что, несмотря на тепло в избе, по коже бегут морозные мурашки. Он кутается в одеяло с головой и сипит:

– Не пойду я никуда! Да воскреснет Бог... – но продолжение молитвы от нечистой силы теряется в памяти.

Дед стягивает одеяло:

– Хватит прохладждаться! Что за молодёжь растёт?!

Мишка вскакивает, как ошпаренный, отбегает к печке, возле которой сушится обувь.

– Вот-вот, сапоги обувай, там сыро, – советует дед.

– Конечно сыро! – Мишка помнит, что вечером прошёл дождь, и в могилах, наверное, вода. Ведь не иначе дед пришёл забрать его!

Почему? Десятилетний Мишка знает объяснение: в селе говорят, что если ты обижал родственника, а он внезапно умер, то придёт за тобой и уведёт в мир иной. А Мишка перед дедом виноват – когда тот слёг за месяц до смерти, то внука часто просил то книгу подать, то папиросы принести, то чай заварить, если бабушки дома не было, а Мишка медлил, ленился, убежал из хаты играть с соседскими мальчишками. Вот и доигрался...

– И куртку с капюшоном надень, чтоб за шиворот не сыпалась роса.

«Да, на кладбище много кустов, росы на них должно быть порядком», – соображает Мишка.

Почему же бабушка не просыпается? Храпит по-прежнему, словно не слышала воплей внука.

– Деда, я покойников боюсь, – шёпотом признаётся Мишка.

– А чего нас бояться? – буднично замечает дед.

Мишка хочет включить свет, поскольку стоит как раз возле рубильника, но страшится увидеть мертвеца во всей красе. Уж лучше тёмный силуэт.

Отправили Мишку родители к бабушке с дедом на всё лето, а тут такая оказия – не увидать им больше сына. Мишка начинает тихо плакать.

– Нюни распустил! Хлеба возьми да колбасы или сыра. Что есть-то будешь? Аппетит там отменный!

– В могиле аппетит?

У Мишки волосы на голове встают дыбом. Он представляет, как сидит в яме на дедовом гробу и ест бутерброды.

Бабушка особенно громко всхрипывает.

– Не домовой ли душит? – с тревогой замечает дедушка.

А при жизни ругался: «Эк её разрывает! Так бы и прикрыл подушкой!»

Трясующимися руками мальчик открывает холодильничек, берёт плавленый сырок. Отламывает горбушку хлеба от лежащей на столе буханки. Суёт снедь в карман.

– Пойдём, – говорит дед и открывает дверь.

Мишка плетётся за ним. Во дворе стоит, словно окаменев, их чёрная тонконогая собака Жулька, уши висячие в разные стороны – не лаает, но и хвостом не виляет, наверное, кажется ей хозяин очень странным.

Дед берёт Мишку за руку – никогда прежде так не водил, они выходят за калитку и шагают

по дороге. Пальцы у мертвеца крепкие. Вырываться боязно.

Высоко в небе сияет полная луна. Деревня спит. Стрекогут кузнечики, журчащий хор лягушек слышен издали. Мишка оглядывается вокруг – всё кажется ночью другим, таинственным.

– Погляди-ка направо! Банника заметил? – показывает дед туда, где зашуршала трава. – Веник берёзовый понёс. Хозяйственный.

Мишка никого не различает. Бросает косой взгляд на деда, замечает острый нос, тёмные провалы вокруг блестящих глаз.

– Погляди-ка налево, вот бесстыжая, – сплевывает дед. У соседского сарая мелькает баба в сорочке. – Ведьма идёт чужих коров доить... Ты не озяб ли, окаяшка?

Мишка на свежем воздухе немного опомнился и приободрился. Только сейчас он понимает, что направляются они с дедом вовсе не к кладбищу. Вот миновали соседнюю улицу, клуб, магазин...

Мишка думает, что дед изменился. Раньше называл бы чертякой, да ещё и подзатыльники отвешивал. А теперь и рассказывает что-то внуку, и заботится, чтобы тот не простыл. При жизни бы так! А то скажет им с бабушкой: «Одна брюзжит, другой визжит» – и уходит неведомо куда с чекушкой водки.

Спускаются под гору. Впереди раскинулся широкий луг, трава отликает серебром под лунной, кое-где видны круги и полумесяцы покосов. Топают по влажной дороге.

Но Мишке всё равно страшно, потому что непонятно, зачем дед ведёт его в противоположную от кладбища сторону? Вдруг там что-то ещё хуже?..

Вот и озеро. Долгим чёрным зеркалом вытянулось оно на опушке смешанного леса. Окружено прошлогодним сухим камышом вперемешку с молодыми острыми стеблями. Через заросли то тут, то там ведут тропинки.

Вдруг Мишка замечает шалаш. Дед наклоняется, извлекает оттуда лопату, протягивает внуку и командует:

– Копай!

«Могилу!» – холодеет Мишка и жалобно лепечет:

– Дедуня, прости. Я знаю, что плохо себя вёл, не слушался. Ей-Богу, я всё понял! Отпусти, пожалуйста. Я буду бабушке помогать – картошку полоть, кур кормить, воду носить из колодца... Учиться стану на одни пятёрки.

70

– Так ты же сам просился! – восклицает дед. – Всё время ныл: возьми да возьми. Вот я и подумал, что виноват перед внуком. Не будет моей душе покоя, пока на рыбалку не свожу! Ну, довольно слёзы лить. Копай червей! Удочки в шалаше. Надо до третьих петухов вернуться – тебе домой, мне в домовину.

СОБАЧИЙ РАЙ

Рыжик – крупный широкогрудый пёс, помесь стаффордширского терьера с дворнягой, насто-роженно остановился на краю пустыря, и бежав-шая вслед стая тоже остановилась. Свалка, к застарелому тяжёлому запаху и рельефу кото-рой собаки давно привыкли, вдруг изменилась. Залежи мусора два бульдозера отодвинули в сторону, к лесу, и без того усеянному брошенны-ми вонючими пакетами. Образовалась широкая площадка. Неподалёку на дороге стояли две легковые машины. Переговаривались люди.

Рыжик коротко взлаял, круто повернулся и увёл стаю в лес, решив подождать, когда незва-ные гости уберутся с его территории.

Но люди не уходили. Подъехали несколько больших грузовиков.

Глава районной администрации – шаро-образный курносый мужичок, похожий на актёра Леонова, суетливо перебирал документы, рас-писывался.

– Почему я должен контролировать? Это де-ло таможенников, в конце концов... – нервно ин-тересовался он у приезжего чиновника из об-ластного центра.

– Но кто-то должен отвечать, Михаил Ива-нович. А я сегодня возвращаюсь в город, – жёстко говорил тот, поджимая губы после каж-дой фразы.

Когда высокий гость сел в машину, глава ад-министрации окинул взглядом колонну грузови-ков и судорожно вздохнул:

– Сколько добра!

Начальник полиции, здесь же присутствующ-ий, молча кивнул с кислой миной.

Потом, словно взяв себя в руки, глава ско-мандовал:

– Пусть выгружают.

Машины стали поочерёдно заезжать на пло-щадку. Поднимался кузов, на землю сыпались коробки и ящики, из них катились в стороны пер-сики, апельсины, киви, упаковки сыра, консерв-ные банки...

Стоявшая неподалёку группа местных жите-лей подошла ближе.

– Иваныч, мы тут возьмём малость!

– Я вам возьму! – взвизгнул глава админи-страции. – Запрещено!

– Ни себе, ни людям, – процедил высокий ши-рокоплечий мужчина лет пятидесяти. – Хоть бы старикам роздали. Сам-то не голодаешь поди.

– А ты оголодал! Иди в магазин и покупай на-ше, российское!

– Или детишкам в интернат свезли бы...

– Нельзя, не положено, – раздражённо отма-хивался глава.

Михаил Иванович и сам в глубине души чув-ствовал, что творится неладное, и переживал, что для уничтожения проклятой санкционки вы-брали окраину вверенного ему посёлка. Он-то знал, сколько здесь безработных и на какие гро-ши живут люди.

Человек слабохарактерный, Михаил Ивано-вич нервно гадал, что будут говорить о нём зем-ляки, и в то же время испытывал священный трепет перед областным начальством. А уж мысли о кремлёвских небожителях вызывали неконтролируемые приступы паники и желание уйти в запой.

К людям присоединилась стройная девушка с серебристым диктофоном в руке.

– Газета «Варианты». Что вы думаете об уничтожении санкционных продуктов?

Парень, по виду чуть моложе неё, ухмыльнул-ся, дурашливо сдвинул на бок джинсовую кепку:

– Авось сдюжим. Не одолеют супостаты. Ин-да взопрели озимые... Правда, на ценники смо-треть страшно.

– Школу не закончил, а уже оппозиция, – обо-рвал глава администрации. Замахал рукой на журналистку. – Не надо ничего записывать! Ху-лиганьё местное кривляется. Нашли, у кого спрашивать!

Начальник полиции аккуратно взял девушку за локоть, увёл в сторону, стал что-то втолковывать.

Рыжик и стая наблюдали, как тронулись с места бульдозеры. Начали нарезать круги по площадке, смешивая с землёй сыр, колбасу, фрукты. Под гусеницами еда – плоды чужого труда – превращалась в месиво. Люди на обо-чине тихо матерились. Глава сидел в машине и в десятый раз пересматривал документы, словно плохо понимал смысл напечатанного.

Собаки в кустах принюхивались, сглатывали слюну. Наконец действие закончилось. Полиция заставила людей разойтись, укатило руководство на иномарке, уползли бульдозеры. Колонна грузовиков ещё раньше растворилась в тумане.

Тонкий месяц поднялся над лесом, над свалкой. Рыжик и стая выбежали из зарослей, жадно хватили пастями сыр, колбасу – прямо с грязью. Утоляли голод. Свежие продукты собакам доставались редко, особенно в таком количестве. Щенята насытились быстро, носились по свалке, трепали клочья обёрточной бумаги, разноцветного полиэтилена.

Послышались шаги, голоса. На этот раз стая не убежала в лес. Ночь была их временем, а обильная еда – добычей. Рыжик первым бросился навстречу пришельцам, громко залаял, стая тоже подняла гвалт. В собак полетели палки и комья земли, послышалась брань. Рыжик увёл стаю в сторону, они прилегли на кучах старого мусора, раздражённо рыча. Но сытые желудки не располагали к агрессии.

Зато люди на свалке начали пререкаться между собой. То тут, то там вспыхивали перепалки.

Худенькая женщина в очках посветила под ноги фонарём, обернулась к рослой светловолосой девочке лет четырнадцати:

– Таня, здесь же ничего нет.

– Мама, ты просто плохо видишь. Вот я нашла – почти целый. Сыр «Маасдам».

– Как стыдно! Таня, может быть, вернёмся? Неудобно. Я же учительница.

– Вот именно. На твою зарплату такое не купишь. Даже без санкций. – Таня выбирала куски сыра, клала в полиэтиленовый пакет. – Потом вымоем, обрежем. Можно сырники испечь...

– Таня, тут бродячие собаки. Это же микробы! – стонала учительница.

– Мама, не мешай! – По-крестьянски практичная Таня не походила на свою интеллигентную родительницу.

– И зачем я тебя послушалась! Неужели из-за сыра мы готовы отказаться от самоуважения, от чувства собственного достоинства?

– Иди домой! – огрызалась Таня. – Я человек простой. Я как все. Ты вспомни о Лёшке и Шурке, ждут ведь вкусенького.

Учительница в темноте всхлипнула – троих детей одна поднимает, а помочь некому.

– Эй, чего явились? – послышался в темноте мужской бас. – Я с бульдозеристом договорился, чтобы тут только раз проехал, магарыч ставил, а вы на дармовщину...

В темноте звякнуло. Мужик держал два ведра.

– Мы за сыром, – смело ответила Таня. – И, между прочим, первые.

– Тут не очередь... Мне персики нужны. На самогон, – примирительно пояснил собеседник. – Сладкие они – сахара не надо, хватит одних дрожжей.

Люди подбирали продукты, отряхивали, складывали в принесённую тару.

– С другой стороны, на халяву... – успокаивал кого-то худой парень – тот самый, в джинсовой кепке. Бросал в сумку помятые фрукты.

– Слава Богу за всё, – охала горбатая старушка, ползая на коленях в бульдозерной колее. С радостным удивлением рассматривала уцелевшую банку консервов.

Послышался надсадный вой сирены, и люди бросились к лесу, спугнув собак. Все вместе вломились в чащу.

На дороге остановилась машина с мигалкой. Громкий молодой голос прокатился над свалкой:

– Расходитесь по домам. Оштрафую к чертям!

– В мегафон говорит! – хмыкали люди в лесу. – Ты поймай ещё в темноте-то.

Кто-то у дороги тонко запричитал.

– Не трогайте, сынки! Я мимо шла.

– Кого забрали? – зашептались в лесу, переглядываясь.

Оказалось, горбатую бабушку – не успела спрятаться.

Кто-то предложил пойти в отделение и заступиться, но остальные зашикали: активист нашёлся! Нам проблемы не нужны. И так отпустят – с неё взять нечего...

Двинулись по домам, обсуждая удачные находки.

Рыжик вывел стаю на свалку. И звери снова ели – уже медленно, впрок.

Если бы так было всегда! Каждый день привозили продукты, утюжили бульдозером, оставляли собакам... От полноты чувств Рыжик счастливо взвыл, подняв морду к месяцу. Потом упал на спину и стал кувыркаться, как щенок. Другие псы начали гоняться друг за другом, играя, весело и беззаботно. Вот он – собачий рай!..

Глава администрации, поднятый с постели звонком, слушал отчёт о происшествии и плачущим голосом повторял в телефонную трубку:

– Хлоркой, хлоркой в следующий раз надо посыпать, чтоб ни одна тварь не сунулась!..

ХОЗЯЙКА

Сказка

Глава первая. Сундук с золотом

Лесник надвинул кепку, поправил ружьё за спиной и, набравшись смелости, двинулся в ту часть своих владений, где не любил бывать. Деревья тут стояли тесно, живые стволы подпирали мёртвые – высохшие, лишённые коры. В глаза лезли корявые сучья, ноги проваливались меж корней, за ворот сыпались труха и хвоя. Бранясь, отплёвываясь, лесник, наконец, провалился на поляну, где стояла низкая изба, крытая камышом. Откашлялся и громко выкрикнул:

– Марфа Матвеевна! Нина Гавриловна!

Но обращался он к одной-единственной особе. Старуха жила здесь очень давно. Когда-то, в шестидесятые годы, новый председатель колхоза решил облагодетельствовать её пенсией и, чтобы оформить паспорт, пытался выведать, как зовут лесную жительницу. Зная от местных, что старуха немая, он составил огромный список разных имён, которые зачитал ей, полагая, что та кивнёт или подаст иной знак при произнесении им её настоящего имени. Старуха выслушала весь длинный список, не моргнув и глазом. Председатель махнул рукой и записал её Октябриной. Сельчане сочли имя нелепым. Но остался обычай при встрече называть старуху разными именами, и даже появилось поверье, что угадавшему подлинное имя сказочно повезёт, потому что бабка – матёрая ведьма. При этом полагалось быть почтительным и к имени присоединять отчество. Лесник следовал этому ритуалу по привычке, а не надеясь на удачу:

– Ида Константиновна! Глафира Христофоровна!

Дверь заскрипела так звучно, что лесник вздрогнул. Старуха выступила из тьмы и уставилась на гостя. Её коричневое лицо, покрытое рубцами глубоких морщин и сетью мелких, казалось нечеловеческим из-за гротескно-горбатого крупного носа и выпяченного подбородка. В провалах глазниц блестели прозрачно-карие, почти оранжевые глаза. Один зрачок, казалось, был больше другого и пульсировал, то сужаясь, то

расширяясь. Лесник давно заметил это и избегал смотреть бабке в глаза. На голову её был накручен красный шерстяной платок, побитый моллю. Одежда состояла из синего ситцевого платья, длинного, но не скрывавшего босых ступней с давно не стриженными скрученными ногтями.

Старуха приложила к уху ладонь, что в системе знаков, давно усвоенных лесником, значило вопрос. Была она так страшна, что лесник тут же стал называть её именем своей тётчи.

– Добрый день, Лариса Ивановна. Я вот о чём должен сообщить – лес твой продали. Не я продал. Председатель колхоза, акционерного общества, то есть. Продал городскому мужику. Рубить будут лес.

Бабка быстро спустилась с порожка, и лесник попятился, мотая головой:

– Я ни при чём, я говорил председателю: «Не продавай!». Но кто же меня послушается?

Бабка задумалась, потом усмехнулась. Оскал казался нечеловеческим, животным. Её белые молодые зубы ужасали лесника.

Старуха показала в сторону села и словно поманила кого-то узловатой рукой.

– Позвать его к тебе?

Она кивнула. Лесник поклонился и, пятясь, покинул поляну.

73

Юрий Валентинович, полноватый мужчина лет сорока, с обманчиво простодушным лицом, но внимательным цепким взглядом, стоял у высокого распахнутого окна, за которым щёлкали и пересвистывались незримые птицы. В вечерних сумерках белели осыпанные цветами кусты жасмина вдоль забора. За забором шелестели листвой берёзы и осины.

Нет, лес вокруг усадьбы рубить не стоит – пусть останется островок дикой природы.

За спиной, в глубине зала, распахнулась массивная дверь, заглянул охранник и произнёс:

– К вам лесник.

– Поздновато, – холодно заметил хозяин, оборачиваясь к гостю.

Щуплый мужичонка, в камуфляжном костюме и болотных сапогах, прошлёпал по паркету и ничтоже сумняшеся протянул щеголеватому господину загорелую руку:

– Вечер добрый.

Юрий Валентинович поморщился от фамильярного жеста, но руку мужичонке пожал. Конечно, он представлял встречу с местным егерем иначе – тот стоит у двери, снял с головы кепку и ждёт, когда барин обратит внимание.

– Вам сообщили, что я купил часть леса? Хорошо. Будете по-прежнему делать обходы всей территории или мне своего человека нанять? – сразу поинтересовался Юрий Валентинович.

– Зачем же нанимать? Я согласен. А что насчёт зарплаты?

– Не обижу. Только чтобы ни пожаров, ни браконьеров. Лес куплен специально для моей мебельной фабрики.

– Вырубить задумали?

– Лес и сажают, чтобы вырубить когда-нибудь.

– Я не недовольствую, – пояснил лесник, одев кепку. – А только у нас в лесу живут.

– Меня не предупреждали. Это частная собственность?

– Старушка одна.

– Лучше бы переселить.

– Попробуйте, – лесник вздохнул. – Только она здесь очень давно, привыкла, должно быть.

– Сколько в ваших краях стоит дом?

– Так-то копейки. Но с газом намного дороже.

– Зачем ей газифицированный? Она не поймёт, как за котлом следить. Лучше мы ей дрова привезём.

– Верно, – не стал спорить лесник.

– Объясни моему помощнику, где бабку искать.

– Недалеко отсюда, прямо по тропе от ваших ворот и до развилки. Там повернуть направо, и как раз на поляне стоит изба.

– Слышал? – обратился Юрий к начальнику охраны. – Завтра передашь деньги, пусть приобретает новое жильё до июля.

Охранник кивнул.

– А вам самому будет любопытно, – лесник помнил бабкин наказ доставить к ней бизнесмена. – Я вот вижу, у вас на стене, над камином, головы кабана и оленя. Охотой увлекаетесь? У неё там, возле дома, на шестах черепа, меня мороз по коже дерёт, когда я на один гляжу. Другие-то она, конечно, в лесу подобрала – два лосиных, волчий, лисий. Но тот особенный, огромный и клыки у него – вот такие! Я бы сказал, что череп медвежий, но больно велик. К тому же здесь медведи никогда не водились, да и нет у них таких клыков. Может быть, просветите меня, что за существо?

– Вы меня заинтриговали. – Юрий Валентинович часто ездил на охоту лет пять назад, сейчас было не до развлечений. Но интерес остался.

На следующий день, в полдень, Юрий Валентинович и лесник вышли к дому старухи.

– Экзотика! – Юрий Валентинович кругом обошёл избу, посмотрел на череп исполинского медведя. – Спросим у старушки, какого зверя завалила?

– Немая она.

– Жаль.

Лесник обратил внимание на то, что возле избы появился ещё один, пустой шест.

Последовал позабавивший Юрия Валентиновича ритуал с вызыванием старухи, наконец, дверь приоткрылась.

– Пелагея Максимовна, Серафима Ефимовна, тут к тебе гость.

Старуха приложила ладонь к уху.

– Избу твою хочет купить.

Старуха, к удивлению лесника, возмущаться не стала, кивнула и оказалась рядом с ними так быстро, словно выросла из-под земли. Юрий Валентинович даже отшатнулся. Лесник отвёл взгляд в сторону, чтобы не встретиться с дикими янтарными глазами хозяйки. Юрий Валентинович достал из кармана портмоне и вынул оттуда пачку купюр.

– Зачем же вы ей доллары? – удивился лесник.

Юрий Валентинович пренебрежительно усмехнулся, мол, мелочиться не в его стиле. Старуха выхватила одну купюру тонкими цепкими, словно из ржавой проволоки пальцами, повертела, обнюхала, вдруг плюнула на неё и бросила наземь.

– Это как понимать? – вспылil Юрий Валентинович.

Лесник подобрал купюру, обтёр лопухом.

– Оставь себе, – зло отмахнулся спутник.

Старуха нырнула в дом, вернулась к гостям и сунула под нос бизнесмену крупную блестящую монету.

– Золото? – опешил Юрий Валентинович.

– Вот те на! – пробормотал лесник.

– Это как понимать?

– Страшно сказать, она вроде бы требует, чтобы вы с ней золотом расплатились. Думаю, она не знает, что теперь деньги из бумаги. Для неё это так, лоскутки.

– Чёрт знает что! – развёл руками предприниматель.

Но он уже не мог воспринимать старуху как жалкое существо, которому собирался подать милостыню. А та повернулась и исчезла в своей замшелой избе.

Несколько дней после встречи со старухой Юрий Валентинович был рассеян и мрачен –

из областного города пришли нехорошие новости, его фабрика терпела убытки. Теперь он не стал бы разбрасываться долларами. Мысли возвращались к старухиному золоту. А вдруг его много? К чему этой развалине богатство? Собственно, кто вспомнит о ней, если исчезнет?

Без охраны, без лесника Юрий Валентинович, прихватив рюкзак, вышел из дома. За ремень под свитером был заткнут пистолет. В лихие девяностые наш герой был отнюдь не благонамеренным гражданином, пусть сегодня не горел желанием вспоминать прошлое, но решил действовать по обстоятельствам.

Когда он вырвался из ельника на поляну, то немного растерялся – у дома не оказалось двери. Но ведь лишь пару дней назад была! Незваный гость пожал плечами, двинулся вокруг дома, наткнулся на кусты смородины, где были свалены в кучу потемневшие шесты и груды почти истлевших черепов, скорее их осколки. Юрий Валентинович озадаченно всмотрелся. Неужто когда-то они также украшали старухину поляну, но вот истлели, и она выбросила часть коллекции? И тут он увидел дверь. Она выходила сюда, в заросли, словно изба накануне повернулась к лесу. Юрий Валентинович вежливо постучал. Потом ещё раз. Толкнул дверь, она отворилась. Из дома пахло дымком, сушёной травой, что-то зашуршало. Он достал мобильник, где был фонарь, включил. Тонкий белый луч выхватил из сумрака грубый деревянный стол, лавку, закопченный зев печи. По углам висели связки корней и трав, нанизанные на бечёвку грибы. На столе мелькнуло красное, он осветил и поразился – ломоть свежего сырого мяса. В углу стоял сундук. Может быть, там и хранится золото? Юрий Валентинович прислушался, не возвращается ли хозяйка? Тишина. Он откинул крышку и направил луч в сундук, полоска света утонула в бездонной тьме. Он прищурился. В сундуке мигнула искорка, вторая. Юрий Валентинович выключил фонарь. Присмотрелся. Вдруг на дне забрезжила яркая полоска, он стал на колени, свесился в сундук и обомлел – в стороне, слева, на звёздном небе горела луна!

Юрий Валентинович встал, отряхнул от пыли брюки. Перевёл дыхание, постарался успокоиться. Но как тут успокоиться, если за окнами избушки ярко светило солнце, а в сундуке царил глубокая ночь? Он снова опустился на колени, сунул руку в сундук, ощупал боковые доски, дальше был земляной срез. Юрий Валентино-

вич представил, как с другой стороны, с изнанки земли, вниз головой ходят мифические антиподы. А что если рискнуть и побывать там? Минуту он не понимал, где небо, где земля, но для того, чтобы оказаться на другой стороне, пришлось подтянуться, и вот уже он выбрался и стоит под луной. Юрий Валентинович огляделся. Вокруг раскинулась ровная, как стол, степь. Он нагнулся и потрогал землю, укололся о жёсткую траву. От земли шло тепло, видимо, солнце нагрело её за день. Он прошёл несколько шагов, остановился. Что за дикое поле? И ни души, ни птичьего свиста, ни волчьего воя, ни огонька, кроме звёзд и луны. За спиной послышался глухой удар. Миг он размышлял, что это. Потом опрометью бросился к яме, послужившей вратами в чужой мир, прыгнул, стремясь вывалиться из сундука в старухиной избе, но ударился о дерево – хозяйка захлопнула сундук. Юрий Валентинович начал стучать кулаком, приказывая открыть, ругался, потом умолял впустить. Нашарил в кармане мобильник, включил и ахнул – он стучался в крышку гроба. Выбрался, осветил вокруг. В стороне заметил холмик глины с воткнутой лопатой, словно приглашение закопать яму.

Глава вторая. Свадьба на Воздвижение

Лесник подошёл к избе и крикнул:

– Глафира Евдокимовна! Дина Витальевна! Я с новостями!

Старуха сидела на пороге и грызла корень. Уставилась недобро.

– Другой человек теперь лесом владеет. Помнишь, пропал прежний?

Она кивнула.

– Его двоюродный брат всё унаследовал. Доставить к тебе?

Она помахала рукой, словно рубя дерево.

– Нет, рубить не будут. Он, говорят, собрался базу отдыха строить. Облагородить хочет владения твои.

Она пожалала плечами, отбросила огрызок корня и скрылась в избе.

Лесник вздохнул и побрёл в село. Если старуха не хотела встречи с новым барином, то и ему о ней докладывать не стоило. По пути увидел, что пустовавший шест украшен человеческим черепом, поспешно отвёл глаза. Давно знал, что со старухой связываться не стоит – и отец, и дед предупреждали об этом. Вспомнил, как полиция год назад весь лес прошерстила, искали Юрия Валентиновича. На избу ни один мент не наткнул-

ся. Лесник её в это время замечал то на дне оврага, то у болота, но вот бабка вернула суетливое своё жилище на любимую поляну.

Виктор Антонович – новый хозяин леса, приходился прежнему двоюродным братом. Мужчины лет пятидесяти, плотный, с квадратным лицом и таким жёстким взглядом, что по пустякам вряд ли кто обратится. Но вот обратились – друг побывал у него в усадьбе, осмотрел лес, добрая часть которого благодаря бригаде рабочих и дизайнеру превратилась в парк с романтическими беседками, статуями и ажурными мостами, и возжелал сыграть здесь свою свадьбу. А поскольку был он ещё и деловым партнёром Виктора Антоновича, тот решил не отказывать – всё равно парк будут арендовать под праздники и отдыхать здесь, с чего-то нужно начинать. Правда, лесник, услышав об этом, пробормотал что-то непонятное: мол, на Воздвижение всё в лесу сдвигается, и лучше в этот день там не появляться. Но Виктора Антоновича ни праздники, ни народные суеверия не интересовали.

И вот уже возле озера на асфальтированной площадке играет оркестр, кружатся пары, а под тентом, украшенным воздушными шарами, стоят столы с угощением. Вокруг озера загорелись фонари. Чем не Европа? словно кадры из английского фильма. Правда, в таких фильмах обычно появляется чудовище...

Виктор Антонович делает глоток шампанского из бокала. Он не любит суету, и сейчас, когда праздник в самом разгаре и не требуется присутствие хозяина, самое время отдохнуть от людей. Он пьян, но в меру. Углубляется в лес. Что за живописная тропинка – здесь он тоже прикажет установить фонари. Впрочем, сначала надо узнать, куда она ведёт? Оранжевый свет заката окрашивает стволы деревьев в розовато-бронзовый цвет, а их осенние кроны играют оттенками золотого, коричневого, красного. Воздух, насыщенный ароматами трав и смолы, словно вино.

Внезапно за веером ветвей открылась поляна с уродливой изгой, утонувшей в гряде листвы, словно в гнезде.

– А это ещё что за сарай? – Виктор Антонович обошёл вокруг строения. В окне вместо стекла клочок целлофана. Над дверью прибита ржавая подкова. Под стрехой, где камыш нависает над стеной, кто-то возится, пищит.

Дверь скрипнула, на пороге появилась хозяйка. Седые лохмы свисают по сторонам коричневого лица, блестят глаза из тёмных провалов под выпуклыми надбровными дугами. Нос и подбородок гипертрофированы, словно у маски тролля.

– Вечер добрый, – напористо поздоровался Виктор Антонович. – А кто вы такая, позвольте узнать?

Старуха молча подошла к визитёру, понюхала бокал в его руке. Виктор Антонович раздражённо сунул посудину в карман.

– Я владелец данной территории. Почему меня не проинформировали о вас?

Старуха не реагировала на слова. словно потеряв интерес, повернулась и шагнула к избе, но Виктор Антонович ухватил её за локоть.

– Бабка, этот лес – частная собственность. Документы на дом есть? Прописана где, глухая тетеря?

Старуха повернулась, уставилась на него янтарными глазами – один зрачок то сужался, то расширялся, ему пришло на ум, что так, по словам астрономов, сужается и расширяется Вселенная.

– В общем, так, – сказал Виктор Антонович, переборов оторопь. – Нет документов – поедешь в дом престарелых. Будешь жить на всём готовом – еда, постель, тепло. Ясно тебе? К понедельнику собирай вещи.

Старуха вдруг скрутила из корявых пальцев дулю и сунула под нос бизнесмену.

– Ах, старая ведьма! Не хочешь ехать – в мешке отвезут. Мне в парке не нужна антисанитария.

Он выпустил её костлявую руку, брезгливо вытер ладонь о полу пиджака и пошёл ломиться сквозь кустарник на звуки танцевальных шлягеров. Музыка неумовимо менялась, в неё вплеталось всё больше шуршащих, потрескивающих нот, щелчков и треска. Он стал спускаться в лощину, полную тумана, словно чаша с молоком. Откуда-то слышалось тихое шипение и посвистывание. Что-то скользнуло по щиколотке. Виктор Антонович глянул вниз и обомлел – лощина была полна змей, медленно, томно сплетающихся в огромный клубок. Он стоял на краю клубка, а вокруг ползали бесчисленные гады.

На Воздвижение все змеи в лесу собираются в одно место и празднуют свадьбу. Горе тому, кто помешает.

Глава третья. Цветочный чай

На шестах красовались несколько звериных черепов и два человеческих. Лесник мелко перекрестился, прячась за еловую ветку, и только тогда вышел на поляну.

Старуха плясала. Босая, по засыпанной первым снегом траве. В абсолютной тишине. Она то бежала по кругу, вращаясь, то делала прыжок в сторону, хищно растопыривая тонкие руки в обтрёпанных рукавах. В движениях чувствовался ритм. Похоже, в косматой голове хозяйки звучала слышная только ей одной мелодия. Вдруг она словно из-под земли выросла напротив лесника. Прямо на него смотрели оранжевые дикие глаза. Он сорвал с плеча ружьё, наставил:

– Дарья Макаровна, отойди ради Бога.

Старуха, ощерившись, выбросила вперёд руки, дуло ружья упиралось ей в грудь.

– Анна Климовна, опомнись. Белены объе-
лась?

Она выдохнула, опустила руки, отвела взгляд, будто одеревенела.

– Лес унаследовал мальчишка какой-то.

Старуха хмыкнула.

– Охранник говорит: рубить не будет. Вообще ничего делать не будет. Раздолбай. Вроде художник. Рисует, то есть. Малюет. Картинки пишет, – он помахал рукой, словно красил забор.

Старуха снова хмыкнула. Долгие годы общения с ней научили лесника, что некоторые слова она не понимает, и тогда он старался подобрать похожие по значению.

Старуха снисходительно ухмыльнулась.

– Вот и я о чём. Что Бог ни делает, всё к лучшему. Наконец-то никто не будет зверьё распугивать. Да и, признаться, мужики с нашего села давно меня упрекают, что не пускаю их рыбачить на озеро, а баб ихних за ягодами. Им же не объяснишь, что теперь, как до революции, баре завелись. Художники – народ нежадный, душевный. Правильно я думаю? Говорят, правда, что к пьянству они склонны, но это на Руси не порок. Так?

Старуха отвернулась и вдруг через всю поляну прыгнула в чащу, еловые ветки качнулись и замерли. Лесник знал, что хозяйка устраивает пляски перед охотой, и поспешно ретировался – вдруг окаянная в азарте перепутает с дичью? Однажды застал её неподалёку – старуха, стоя на коленях над убитым кабаном, руками вырвала внутренности, воздевала их к небу. Зали-

тая кровью, что-то выла, раскачиваясь, словно одержимая. Лесник бежал без оглядки до села и успокоился только после бутылки первача.

Новый хозяин приходился Виктору Антоновичу племянником. Звали его Иваном. Парень лет двадцати пяти, высокий, худой, волосы курчавые, лицо симпатичное, но уж больно печальное. Лесник и к нему пришёл, спросил о зарплате. Парень сказал, что всё останется прежнему. В зале стоял мольберт, стол с красками, к стене прислонены чистые холсты. Готовых картин лесник не заметил.

– Нет вдохновения. Творческий кризис, – уныло сказал молодой человек.

– А вы погуляйте по лесу, у нас виды красивые, вот хотя бы у озера, – радушно предложил лесник. Признаться, ему показалось интересным, выживет ли барчук после знакомства со старухой? Но через минуту лесник устыдился своего жестокого любопытства и стал отговаривать, пугая тем, что в лесу полно волков.

– Они же умные звери, без причины не тронут, – легкомысленно заявил художник.

– Хорошо. Правду скажу, – решил лесник. – В лесу живёт старушка, и поговаривают, что она ведьма.

77

– Вот это да! Непременно познакомлюсь, – оживился Иван.

– И думать забудьте!

– Почему? Она, наверное, знает много по истории края.

– Разве что края света, – раздражённо сказал лесник. – Она туда многих спихнула, за тот край. Немая к тому же.

– И как она выживает? Может быть, чем-то помочь ей? Обязательно узнаю.

– Вбили себе в голову чёрт знает что, извините, – раздражённо махнул рукой лесник и ушёл от фантазёра в твёрдой уверенности, что тот на днях исчезнет, как два его дядьки.

Старуха поставила в угол метлу. Шаркая валенками, подошла к печи, вытащила чёрного котика, гревшегося в золе, посадила на пол. Кота когда-то принёс в лес и выкинул местный житель – видимо, пушистый проныра повадился есть цыплят, и от него избавились. Хозяйка сунула в печь горсть сухих листьев, пучок щепок, сверху положила поленья. Взяла два камня и, ударив друг о друга, высекла огонь. В дверь постучали. Она пожала плечами, открыла – на по-

роге стоял кудрявый молодец лет двадцати, с простоватым лицом, волосы давно не стрижены, за спиной – красная котомка. Старуха зашипела. Кот тоже. Она привыкла, что вызывают долго и церемонно, а не ломаются в избу.

– Здравствуйте, бабушка, – весело произнёс гость и с глупым видом почесал в затылке. – А я ваш сосед, Иван. Познакомиться пришёл.

Старуха отступила в сторону, Иван шагнул в избу. Сунул руку в свой красный рюкзак и выложил на стол несколько пакетов – решил побаловать нищую пенсионерку конфетами и пряниками из местного магазина. Старуха обнюхала дары. Указала Ивану на шаткую лавку. Из горячей печи вытащила чугунок с водой, поставила на стол две помятые жестяные кружки, налила кипятка. Вернула чугунок в печь. Подошла к связкам трав в углу, отщипнула от одного, от другого сухого букета, помяла в горсти, кинула в кружки. По избе поплыл дивный аромат. Старуха села на табурет напротив гостя. Подвинула к нему кружку. Взяла в руку конфету, обнюхала, не разворачивая фантика, кинула в рот, стала с хрустом жевать.

– Надо вот так. – Иван избавил конфету от обёртки, показал старухе. Она кивнула.

Он разглядывал её жилище – с печки свешивался край бурой шкуры. Возле стояли ступа и метла. На полке виднелась старинная посуда – впрочем, деревенские хозяйки и сейчас пользуются кринками, деревянными ковшками.

– Здорово у вас! Как в сказке! Только не обижайтесь, вы на Бабу-ягу похожи, – сказал Иван и тут же смутился, – ой, какой же я дурак! Вот ляпнул! Извините, пожалуйста.

– Ядзя, – сказала она хриплым голосом, – Ядзя.

– Так вы не немая?

– Я всем отвечала, но никто меня не слышал. Уже много лет.

– Имя на польское похоже. Вы из Польши?

– Не ведаю такого края.

– И давно тут живёте? Трудно, наверное, одной? Родни не осталось?

– Все померли, все во мне. – Она коснулась рукой солнечного сплетения. – Доля такая. Была голодная зима, рыба ушла далеко от берега, зерна не осталось.

– Вы жили у моря? Где?

– Море тут было.

«Всё-таки малость не в своём уме старушка», – подумал Иван.

– Правнуки взяли меня под руки, сказали: «Ты стара, помирать пора – голодная зима». Отвели в лес. Стояли там много домов на кореньях-ногах, в таком доме не сесть, не встать. Мёртвых дома. Правнуки сказали: «Баушка, прости нас, мы приготовили тебе мягкое ложе, ляг и усни – голодная зима». Они ушли, но мне хотелось жить. Вылезла из домовины. С собой я тайком взяла кремень и огниво, высекла огонь и стала звать богиню, которая ходит с изнанки мира, обещала служить ей. И явилась богиня-медведица. Мы вместе ели мясо мёртвых. Потом богиня показала мне своё логово, грела меня и рассказывала тайны земли. Иногда я приходила за свежим мясом на погост и однажды увидела там своих внуков и правнуков, всё они умерли – голодная зима. Я съела их печень, чтобы жили во мне. Весной медведица приказала убить её, чтобы передать мне силу. И с той поры я стала другой. Всё меняется, одна я не меняюсь...

Почему-то рассказ старухи не пугал Ивана, он прихлёбывал чай и вежливо кивал. Ему было спокойно и тепло в пропахшей дымом избе, намного уютнее, чем в огромном особняке.

– А вам не было жаль богиню? – поинтересовался он.

– Я освободила её для новой шкуры. Потом тысячу раз встречала – и лисицей, и соколом, и лебедью, и волком. Каждый раз она учила меня чему-то новому.

– А почему с изнанки мира?

– Ты потрошил рыбу, зверя или человека?

– Приходилось. Не человека, конечно! – поспешно уточнил он.

– Когда смотришь в распоротое брюхо дичи, то видишь её изнанку. Если вывернуть наизнанку человека – каким он будет? Самое главное прячется внутри. Благодаря тому, что кровь течёт, а сердце бьётся – существо живёт. И мир живёт благодаря тому, что скрыто с его изнанки, которую мы не видим.

Внезапно Иван заметил, что стены избушки стали бугриться, и вдруг из закопченных брёвен начали стремительно прорастать ветки, на ветках набухли почки, брызнули свежей зеленью, бутоны развернулись крупными цветами, сквозь ветви забрезжил солнечный свет.

Иван встал, развёл руками листву. Вышел, словно из пещеры, на поляну. Деревья вокруг стояли гигантские, не в три, в десять обхватов, топорщились папоротники, вспархивали гигантские бабочки. Затрещали сучья от чьих-то тяжёлых шагов, и на поляну ступил огромный мед-

ведь. Взревел. Иван не ощущал страха. Медведь поднялся на дыбы, повёл плечами, и вдруг шкура соскользнула с него – перед Иваном возникла обнажённая смуглая женщина – сильное стройное тело, неровно остриженные, скорее, обранные ножом коричневые волосы, большие янтарные глаза, тонкий нос с горбинкой, полные, резко очерченные губы. Она разглядывала его с любопытством. Ноздри раздувались, словно сейчас скажет: человеческим духом пахнет. Дикая самка. Обошла Ивана, словно присматриваясь к новому приобретению, потом властно схватила за руку, повела за собой.

...Очнулся за столом перед пустой кружкой, невольно коснулся рукой – ещё тёплая. А казалось – прошёл целый день. Он в том цветущем мире охотился на чудовищ, потом жарил их мясо на костре, занимался любовью с прекрасной незнакомкой, плавал в кристально-чистом озере среди изумительных золотых рыб, видел пролетающих над головой драконов, шаманил и вызывал духов.

Иван посмотрел на старуху, та гладила чёрного кота, мурлыкающего так громко, словно возле избы заводили трактор.

– А ведаешь, что я твоё желание должна исполнить? За то, что имя угадал, – проскрипела она. – Называй. Да поспевай.

– У меня всё есть, вы же знаете – богатый наследник, – смущённо улыбнулся Иван. – Но я художник, в этом мире скучно мне – тусклый он, взгляд не радует. Если бы жить с изнанки мира – там, где я побывал... Яркие краски, новые сюжеты – так и просятся на полотно.

Старуха смотрела на гостя задумчиво, один зрачок то сужался, то расширялся, словно чёрная дыра в неведомое.

– Это твоё последнее слово?

– Да! – в радостном ожидании воскликнул он. – Там столько природы! И та девушка...

Минул год. Вокруг особняка поднялась крапива, тропа к нему заросла. Сельчане поговаривают, что Ванька-художник ушёл жить к старой ведьме – не иначе сошёл с ума. Но порой его ищут горожане на дорогих машинах, желая приобрести картины, где якобы такая жуть, такие чуда-юда, что словами не описать. Лесник по-прежнему обходит с ружьём чащи, поляны и болота. Он знает, кто на самом деле владеет лесом.

